

Сборник

Энциклопедический словарь Гранат

Том 55

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 030
ББК 92
С23

С23 **Сборник**
Энциклопедический словарь Гранат: Том 55 / Сборник – М.: Книга по Требованию, 2012. – 376 с.

ISBN 978-5-458-14090-4

Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Седьмое издание. Том 55. Эпоха мирового кризиса, экономического, социального и политического.

ISBN 978-5-458-14090-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ТОМ ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ

Эпоха мирового кризиса,
экономического, социального и политического

ЭПОХА МИРОВОГО КРИЗИСА, ЭКОНОМИЧЕСКОГО, СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО

1. Мировой экономический кризис. 1. Мировой экономический кризис начался еще до того, как 24 октября 1929 г. разразилась паника на Нью-Йоркской бирже, являвшейся центром международной спекуляции. Биржевой крах, принявший сразу международный характер, конечно, не представлял самостоятельного явления и не был причиной кризиса. Он был специфической формой выхода кризиса, взрыва накопившихся противоречий в сфере материального процесса производства, грозным проявлением и сигналом острого перепроизводства.

Еще до краха на Уол Стрите ряд сигналов свидетельствовал о наличии кризиса перепроизводства. Явные признаки начавшегося сельскохозяйственного кризиса имелись уже в конце 1928 г. в Канаде, в США, в Аргентине, в Австралии. Частичные кризисы имели место в производстве отдельных видов сырья и продовольствия, показателем чего является крушение попыток их монополистического регулирования. В 1928 г. прекратила свое действие принятая в 1922 г. „схема“ Стевенсона в области контроля производства каучука; в том же году Куба отказалась от „схемы“ ограничения производства сахара, действовавшей 4 года; медный картель 1926 г. и бразильская ревалоризация (повышение продажной цены) кофе оказались несостоя-

тельными еще задолго до „черного четверга“ на Нью-Йоркской бирже. Канадский пшеничный пул хотя и устоял против первого натиска разразившейся экономической бури, но огромные непроданные запасы пшеницы на его элеваторах и начавшееся снижение цен на пшеницу подрывали всякую базу под контракты с фермерами и подготавливали его крах, который и наступил в 1931 г. Из промышленных стран перебои производства обнаружались в 1928 г. в Германии в связи с ослаблением притока американских кредитов, а также в Польше и других странах.

В то время как в ряде стран, преимущественно аграрных, кризис уже созрел и принял более или менее острые формы, втянув в свою орбиту и американское сельское хозяйство, промышленное производство США еще продолжало развиваться с крайней степенью напряжения. Поворотный пункт здесь наступил в июне 1929 г., когда производство повернуло от подъема к упадку (жилищное строительство начало сокращаться еще в конце 1928 г.). Эта дата оказалась критической точкой и для большинства основных капиталистических стран. Только во Франции она наступила несколько позже, именно в мае 1930 г. Кризис, таким образом, не делал никакого исключения ни для великих, ни для малых стран.

Переплетение аграрного и промышленного кризиса, кризис в США, на которые приходится почти половина мирового производства, означали перерастание кризисов местных и частичных во всеобщий и превращение кризисов национальных в мировой кризис.

Мировой экономический кризис развернулся на базе общего кризиса капитализма. Это придало ему исключительную разрушительную силу. По своему масштабу, продолжительности и глубине мировой экономический кризис является рекордным в истории капитализма вообще и каждой капиталистической страны в частности. Он потряс капиталистическое хозяйство до основания и перерос в кризис политический и идеологический.

Удары кризиса были тем оглушительнее, чем усерднее буржуазные политики и теоретики вытравили самое понятие кризиса из общественного сознания. Представители буржуазной науки исходили и исходят из смягчения и сглаживания остроты кризисов. Они изгнали проблему кризисов из своих „руководств“ и заменили ее, учением о конъюнктуре, которое стремится растворить кризисы в коротких и длинных конъюнктурных „волнах“ самых различных исторических периодов. Сами буржуазные экономисты, хотя и с опозданием, признают теперь, что многочисленные конъюнктурные институты в капиталистических странах при помощи черной магии, т. е. вычерчиванием кривых и конструированием всевозможных „барометров“, строили оптимистические экономические „прогнозы“ и предсказывали „процветание“, когда вплотную надвинулся кризис. Такое известное издание, как „Recent Social Trends“ косвенно само подтверждает, что теория непрерывного „процветания“ в США была просто фальсифицирующей. В медовые месяцы 1925—1929 гг. — пишут в нем авторы резюме, — было много лиц, которые полагали, что циклы „сглажены“ в этой благоденствующей стране. В настоящее время каждый из нас сознает, что мы страдаем от одной из самых жестоких депрессий в нашей национальной

истории. Всякий, кто знаком с прошлым опытом, предвидит, что, с возвращением оживления и процветания, новая волна процветания закончится в свою очередь последующим снижением, которое перейдет в другой период депрессии, более или менее острый“.

Но, распространившись с теорией непрерывного „процветания“, эти авторы, как и вся буржуазная наука, беспомощно останавливаются перед кризисом, как перед мистическим явлением, сущность которого они не в состоянии постигнуть. С их точки зрения неизбежность кризисов при капитализме еще является вопросом, подлежащим дальнейшему исследованию и эксперименту. Общий кризис капитализма, в том числе и американского, вообще, как проблема, не стоит перед ними. С такой точки зрения естественным является объяснение исключительной глубины кризиса „нециклическими факторами“, что служит псевдонимом для ряда самых разнообразных причин, как например, быстрые темпы технического прогресса и рационализация, замедленный рост народонаселения, мировое производство и распределение золота, мировая война и ее последствия и т. д. Характерно, что, исходя из последствий мировой войны, другой буржуазный исследователь мирового экономического кризиса, английский профессор Lionel Robbins начинает свое исследование „The Great Depression“ с прямого утверждения о том, что мы живем не в четвертом, а в 19-м году мирового кризиса.

Капитализм, действительно, уже 19 лет (а считая со времени мировой войны 1914—1918 гг. и больше) переживает кризис, но не в том, конечно, смысле, как это думает Л. Роббинс. Сущность общего кризиса капиталистической системы состоит в том, что капитализм уже не представляет собой единственной и всеохватывающей системы мирового хозяйства. Отживающей капиталистической системе хозяйства пришла на смену более передовая, социалистическая система, окончательно и бесповоротно победившая в СССР и противостоящая мировому капитализму, как важнейший

фактор его разложения. За протекшие 19 лет социалистическая система стала безраздельно господствующей на $\frac{1}{6}$ земного шара и превратилась в мощную *мировую* силу; процесс же расплаты капитализма получил дальнейшее ускорение, выражаясь в гигантском обострении классовой борьбы, в нарастающем революционизировании международного рабочего класса и трудящихся в колониальных и зависимых странах.

Победа социализма закреплена в великой Сталинской конституции, которая является „обвинительным актом против фашизма, говорящим о том, что социализм и демократия непобедимы“ (Сталин). Конституция победившего социализма является ярким факелом, освещающим рабочим и всем эксплуатируемым путь борьбы с капиталистическим рабством и империалистическим гнетом и ускоряющим гибель капитализма.

Загнивание капитализма нашло свое выражение в громадном обострении противоречия между производственными силами и буржуазными производственными отношениями, в частности, в наличии хронической массовой безработицы и хронической недогрузки производственного аппарата и особенно наглядно — в исключительной силе мирового экономического кризиса. Капитализм ищет выхода из накопившихся противоречий, до крайности обостренных его кризисом, в установлении в ряде стран фашистской диктатуры, которая во главе с наиболее агрессивным германским фашизмом идет открыто к развязыванию антагонистических сил, готовых к военному столкновению за новый передел мира.

Вышеприведенные рассуждения Роббинса, характерные для бесплодия буржуазной науки, заинтересованной в прикрашивании язв капитализма, показывают, что он ничего не понял в развертывающейся эпохе войн и революций, без учета которой невозможен подлинно-научный анализ такого сложного комплекса, как мировой экономический кризис, ни в его возникновении, ни в разнообразных формах его движения.

Историческое развитие и борьба обеих систем дает в мировом масштабе конкретную проверку также и по вопросу о циклических кризисах. Периодические кризисы возникли вместе с зарождением капитализма и сопровождают его до самой могилы; социалистическая же система, как показывает пример СССР, ликвидирует окончательно кризисы и безработицу.

Подтачивание капиталистической системы общим кризисом, ее прогрессирующее расстройство проявляется в деформации послевоенных циклов воспроизводства. Оно находит свое выражение не только в углублении, затягивании и всеобщности циклического кризиса, в ослаблении сил, противодействующих ему, но не в меньшей мере в урезанности и крайней неравномерности фазы подъема в разных странах и отраслях, в конвульсивности ее развития и быстром созревании противоречий, ведущих к взрыву. Весьма показательны, например, что даже по исчислениям буржуазного американского экономиста Уэсли Митчеля за весь послевоенный период 1919—1928 гг. в США приходится на годы повышательной конъюнктуры всего 57% и на годы понижательной конъюнктуры—43%, данного исторического отрезка. Но эти соотношения резко изменятся в обратном направлении, если взять мировую конъюнктуру в целом, ибо, как известно, фаза конъюнктурного оживления в Европе была весьма умеренной. Кроме того, Митчель не учитывает, что американское сельское хозяйство в „процветании“ не участвовало наравне с промышленностью, если не считать крупных капиталистических сельскохозяйственных предприятий и зажиточной верхушки фермеров; что хроническая недогрузка производственного аппарата достигала в годы наиболее высокой конъюнктуры, по самым консервативным и преуменьшенным расчетам, не менее 20% в США и около 30% в Англии и Германии; наконец, высокий уровень постоянной безработицы в фазу „процветания“, превосходивший в ряде капиталистических стран кризисный уровень довоенного времени. Безусловно более прав либе-

ральный профессор Р. Тогуэль, один из видных представителей „мозгового треста“ при Рузвельте (бывший заместитель секретаря департамента земледелия), указавший, что при наличии в США в 1929 г. 10 млн. семейств — свыше $\frac{1}{3}$ населения — на уровне бедности и нищеты самое понятие „эры процветания“, а также разговоры об исчезновении бедности — просто подлог.

Исходя из марксистско-ленинского анализа третьего периода, из расшатывания капиталистической стабилизации, тов. Сталин указывал еще в 1927 г., в докладе на XV съезде ВКП(б) на неизбежность наступления самого глубокого и самого острого кризиса мирового капитализма. Этой точке зрения лидеры II Интернационала, Гильфердинг и другие, к которым присоединился и правый реставратор капитализма Бухарин, противопоставили теорию „организованного капитализма“, перспективу „оздоровления“ капиталистического строя. На XVI съезде ВКП(б) можно было уже подвести историческую проверку этим двум диаметрально противоположным позициям.

Об этом с полным основанием тов. Сталин напомнил в своем докладе съезду. „Большевики говорили, — указывал товарищ Сталин, — что рост техники в капиталистических странах, рост производительных сил и капиталистической рационализации, при ограниченных пределах жизненного уровня миллионных масс рабочих и крестьян, должны неминуемо привести к жестокому экономическому кризису. Буржуазная пресса посмеивалась над „оригинальным пророчеством“ большевиков. Правые уклонисты отмежевывались от большевистского прогноза, подменяя марксистский анализ либеральной болтовней об „организованном капитализме“. А что вышло на деле? Вышло так, как говорили большевики“ („Вопросы ленинизма“, стр. 488, 1933 г.).

Правые реставраторы капитализма уже тогда сомкнулись с Троцким, заклятым врагом Советского Союза, предсказывавшим буржуазии „новую большую эпоху капиталистического роста и могущества“ и своей буржу-

азно-апологетической, капитулянтской, „теорией“ „американской исключительности“ лакействовавшим перед республикой доллара. Судебный процесс над троцкистско-зиновьевской бандитской шайкой диверсантов и фашистских шпионов и дальнейшее расследование деятельности правых отщепенцев показали, что правые представляют такую же банду преступников и врагов народа. Как троцкизм, так и правые перестали быть политическим течением в рабочем классе и из идейных оруженосцев контр-революционной буржуазии они превратились в ее авангард, в один из штурмовых отрядов фашизма.

2. Интенсивность кризиса характеризуется амплитудой колебаний, т. е. размерами сжатия производства и продолжительностью кризиса. Для иллюстрации интенсивности мирового экономического кризиса приводим следующий ряд, характеризующий размах падения в различные экономические циклы США за последние 50 лет.

Глубина и продолжительность кризиса в США с 80-х годов XIX века (падение от высшей точки до кризиса к низшей точке кризиса по индексу хозяйственной активности Эко-Хугтона и Анн-Лиса)

Кризисы	Д а т ы	Продолжительность (в месяцах)	% падения
Кризис 1881/82 г.	VIII/1881 — II/1885	42	37
„ 1892 г.	II/1892 — VI/1894	28	37
„ 1903 г.	IX/1902 — XII/1903	15	24
„ 1907 г.	VII/1907 — III/1908	8	36
„ 1920 г.	III/1920 — III/1921	12	29
„ 1929 г.	VI/1929 — III/1933	45	43

Приведенные данные отчетливо показывают, что мировой экономический кризис является действительно рекордным в истории американского капитализма. Из предыдущих кризисов по своим отдельным показателям к нему как будто бы несколько приближается кризис 1880-х годов. Но на самом деле это не так. Как известно, Энгельс характеризовал в 1892 г. в своем предисловии к книге „Поло-

жение рабочего класса в Англии" кризис 1850-х годов как неполный, как состояние хронического застоя (Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XVI, ч. I). Этот вывод Энгельса также подтверждается и данными Business Annals Торпа, относящимися к США и показывающими, что сплошного снижения там не было за указанный период. Таким образом, приведенные выше показатели кризиса 1881/82-х гг. являются безусловно преувеличенными. Вообще, если взять средние показатели, то окажется, что послевоенные кризисы в США значительно превосходят по интенсивности кризисы довоенного времени. Вместе с тем сравнение кризисов 1920/21 и 1929 гг. показывает, что острота кризисов усиливается в эпоху общего кризиса капитализма от взрыва к взрыву.

Это различие кризисов в довоенный и послевоенный период, период общего кризиса капитализма, еще нагляднее выступает в Германии. В качестве показателей возьмем данные о динамике производства. За отсутствием месячных данных в Германии (как ниже и в Англии) нельзя сравнивать изменения от высшей к низшей точке производства, но для наших выводов это не имеет решающего значения. За период 1860—1913 гг. в Германии было 6 кризисов (1867, 1872, 1883, 1891, 1900, 1907 гг.), но только в 1883 и 1900 гг. кризис выразился в замедлении роста промышленного производства; четыре остальных кризиса дали заметное сокращение, а именно: с 1867 г. по 1870 г.—60%; с 1872 по 1874 гг.—60%, 1891—1892 гг.—30%, 1906—1908 гг.—60%. Типичное сокращение производства (по среднегодовым данным) для довоенных кризисов в Германии—60%, кризис же 1929 г. дал сокращение на 420%.

Картина в Англии является не менее характерной. Начиная с 1825 г., регулярно повторяющиеся периодические кризисы отличались сравнительно краткой продолжительностью—за исключением кризиса 1870-х годов, растянувшегося на несколько лет. Падение производства за 12 довоенных кризисов составляло в среднем 5,250%; среднее же сокращение производства за два

послевоенных кризиса составляет 260%.

Мировой экономический кризис, несмотря на всеобщий характер, развевался неравномерно по странам и отраслям. Это видно из следующего сопоставления:

Индекс промышленного производства в различных странах (1932 г. в % к 1929 г.)

	Вся промышленная продукция	Средства производства	Средства потребления
Весь капиталистический мир	63,1	—	—
США	53,8	28,0	75,3
Германия	58,0	33,7	77,7
Англия	83,5	69,6	91,7
Франция	68,8	59,4	71,6
Италия	66,9	72,4	72,2

Наиболее пораженными очагами мирового экономического кризиса являются США и Германия, в относительно меньшей степени — Италия, Франция и особенно Англия, хотя относительно последней следует учесть низкий уровень производства перед кризисом, отстававший еще от довоенного. Среднюю группу между первыми и вторыми, по упадку промышленного производства, представляют Польша, Чехословакия и др. Из сфер промышленного производства наибольшее свертывание показывает производство средств производства по сравнению с производством средств потребления. Наряду со средствами производства почти повсюду было парализовано строительство, а из новых отраслей особенно пострадала автомобильная промышленность. О глубоком упадке строительства свидетельствуют следующие данные (1929 г. = 100): в США индекс строительства снизился в 1933 г. до 21,4, в том числе жилищного строительства—до 12,6, прочих видов строительства—до 26,1; в Германии жилищное строительство сократилось до 24,8 в 1932 г. и торгово-промышленное—до 20,4; во Франции общий индекс строительства упал до 55,7 в 1935 г.; в Англии кризис строительства был слабее, чем в других странах, а именно, сокращение продолжалось только до 1931 г., снизившись в целом до 86,2.

Резкое свертывание производства средств производства и строительства

наглядно подтверждает правильность марксистской теории кризисов, указывающей, что накопление является движущей силой в процессе циклического воспроизводства капитала. Глубокий упадок производительного потребления повлек за собой бурное нарастание волны безработицы, т. е. отрасли, производящие средства производства, помимо широкой амплитуды циклических колебаний, характеризуются большим удельным весом занятой на них рабочей силы.

Катастрофический характер кризиса особенно ярко обнаруживается, если сравнить темпы падения промышленного производства от высшей точки до кризиса к низшей точке кризиса.

Сокращение промышленной продукции в % (от высшей точки до кризиса к низшей точке кризиса)

Весь капиталистический мир	— 44,0
США	— 53,5
Германия	— 52,1
Великобритания	— 23,4
Франция	— 36,8
Италия	— 46,4

По этим данным объем промышленного производства сократился во всем мире более чем на $\frac{2}{3}$, а в США и Германии—свыше, чем наполовину. Наименьшее сокращение дала Англия, за нею следуют Франция и Италия.

По оценке Международного бюро труда при Лиге наций (*Les consequences sociales de la crise*, 1936), потери от свертывания промышленной деятельности во время кризиса за период 1929 — 1934 гг. достигают 117 млрд. долл. (в ценах 1928 г.), а с учетом потерь на транспорте—149—176 млрд. долл. (в ценах 1928 г.) или 100—120 млрд. долл. в ценах 1913 г. Это равняется стоимости всей мировой войны. Прогрессирующее загнивание капитализма, выражающееся в грандиозном расхищении производительных сил посредством чередования войн и кризисов, наглядно иллюстрируется всеми приведенными данными.

Специфическая природа и механика мирового экономического кризиса тесно связаны с тем, что он выступает как форма движения монополистического капитализма, при котором противоречие между общественным

характером производства и капиталистическим способом присвоения—эта основа периодических кризисов—достигает высшего обострения. Монополистический капитализм, говорит Ленин, есть новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению. Империализм означает такую ступень обобществления, когда „частно-хозяйственные и частно-собственнические отношения составляют оболочку, которая уже не соответствует содержанию, которая неизбежно должна загнить, если искусственно оттягивать ее устранение, которая может оставаться в гниющем состоянии сравнительно дольше (на худой конец, если излечение от оппортунистического нарыва затянется) время, но которая все же неизбежно будет устранена“ (Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 174).

Капиталистическая монополия находится в безысходном противоречии с конкуренцией, из которой она вырастает. „Именно это соединение противоречащих друг другу „начал“: конкуренции и монополии существенно для империализма, именно оно и подготавливает крах, т. е. социалистическую революцию“ (Ленин, Собр. соч., т. XX, стр. 297). Во время кризиса столкновение и „спутывание“ этих двух противоречивых „начал“ развивается с бешеной силой, обостряя конвульсивный, неравномерный характер развития капиталистической экономики и крайне запутывая весь ход капиталистической машины. Господство монополий существенно видоизменяет характер и формы проявления кризиса. Политика высоких монопольных цен является моментом, ведущим к затягиванию и углублению кризиса. Это с огромной глубиной выразил тов. Сталин в докладе на XVI съезде ВКП(б). Вместе с тем он отметил, как другую существенную особенность мирового экономического кризиса, „резко выраженный кризис крупного промышленного производства“.

Кризисы перепроизводства вызывают как реакцию сокращение текущего производства. При господстве же монополий эта реакция еще более усиливается вследствие монополистиче-

ской политики цен. „Нынешний капитализм,—подчеркивал тов. Сталин,— в отличие от старого капитализма, является капитализмом монополистическим, а это предопределяет неизбежность борьбы капиталистических объединений за сохранение высоких, монопольных цен на товары, несмотря на перепроизводство. Понятно, что это обстоятельство, делая кризис особенно мучительным и разорительным для народных масс, являющихся основными потребителями товаров, не может не повести к затягиванию кризиса, не может не затормозить его рассасыва-

ние“ („Вопросы ленинизма“, стр. 493, 1933 г.).

Резкое сокращение рынка во время кризиса заставляет капиталистов ссертывать производство, монополистический же капитал, в интересах сохранения высоких монопольных цен, в гигантской степени усиливает эту тенденцию. Это подтверждается данными кризиса 1920—1921 гг. Еще более резко выражена отмеченная тенденция в следующих данных об уменьшении количества занятых рабочих в американской обрабатывающей промышленности за 1929—1933 гг.

Уменьшение количества рабочих в обрабатывающей промышленности США во время кризиса в зависимости от размеров предприятий (% изменения)

	Всего	1—5 чел.	6—20 чел.	21—50 чел.	51—100 чел.	101—500 чел.	501—2500 чел.	2501 и более чел.
Кризис 1929—1933 гг. . . .	— 31,4	— 43,2	— 24,9	— 25,9	— 25,9	— 27,1	— 34,5	— 46,2
Кризис 1920—1921 гг. . . .	— 29,9	— 8,2		— 19,2		— 38,5		

Очень характерно, что наибольшее сокращение рабочей силы приходится за 1929—1933 гг. на крайние группы, при чем в гигантских предприятиях рабочая сила сократилась почти наполовину. Для мелких предприятий это означало массовую гибель, а для крупных—гигантский рост недогрузки. Нет сомнения, что США в этом отношении не представляли исключения.

Присущая монополистическому капитализму тенденция к загниванию крайне усиливается во время кризиса. Избыток капитала и избыток рабочей силы достигли в период мирового экономического кризиса неслыханных размеров. Лавинообразный рост безработицы превратил в эти годы капиталистические страны в гигантские дома для безработных. Безработица приняла самые разнообразные формы: полной и частичной, видимой и невидимой; она охватила лиц физического и умственного труда, квалифицированных и неквалифицированных рабочих, взрослых и молодежь, мужчин и женщин. О динамике безработицы свидетельствует индекс уровня безработицы, исчисляемый Лигой наций на основе официальных данных соответствующих стран (в основном в отношении промышленных рабочих).

Индекс уровня безработицы в разных странах (1929 г. = 100).

	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Весь капиталистический мир. . . .	164	235	291	274
США	177	233	290	296
Германия	164	239	204	260
Великобритания	154	205	213	191
Италия	141	244	335	389
Япония	135	153	179	140

За годы кризиса, по явно неполным и преуменьшенным официальным данным, зарегистрированная безработица утроилась, при чем в отдельных странах ее рост продолжался и в 1933 г., когда уже была достигнута низшая точка падения производства. В Германии в 1933 г. на 6 млн. занятых рабочих приходилось 6 млн. полных безработных и 4,5 млн. частично безработных, т.-е. занятые рабочие составляли меньшинство. В результате этого по переписи 1933 г. впервые за последние 50 лет (с переписи 1882 г.) численность занятых в промышленности оказалась абсолютно ниже численности занятых в сельском хозяйстве. В США армия безработных достигла, по исчислению Американской федерации труда, в первом квартале 1933 г. 13,6 млн. чел., а по более полным оценкам—

даже 17 млн., иначе говоря, каждый из трех самодеятельных был безработным, а большая часть остальных была занята сокращенное рабочее время. В результате этого в небывалой степени сократилось использование рабочего времени. По американским и германским статистическим данным, число проработанных человеко-часов сократилось в промышленности обеих стран за годы кризиса наполовину, а в других сферах материального производства, например, в строительстве, в еще большей степени.

Безработица приняла исключительные размеры среди молодежи. При общем количестве безработных в 30 млн., по данным Лиги наций, на молодежь приходилось не менее 6—7 млн. Молодое рабочее поколение вследствие исключительной продолжительности кризиса лишено было доступа к производственному труду. В Германии в 1932 г. молодые безработные составляли половину всех безработных. Часть безработной молодежи выделяла банды отщепенцев, которых, по словам Fr. Wunderlich, насчитывалось до 600 в одном Берлине, в каждой от 10 до 100 участников. Из этих деклассированных элементов фашисты черпали резервы для штурмовых отрядов. Сюда устремлялась также и академическая молодежь, так как в это время германские университеты по существу превратились в „ожидальни“ для безработной молодежи.

Гигантское расточительство основной производительной силы общества капитализмом ярко выступает при сравнении приведенных выше цифр с размерами довоенной безработицы. До войны в период 1900—1913 гг. в США безработица составляла в среднем 7,8% по отношению ко всему числу рабочих; в Англии она колебалась в зависимости от циклических колебаний в пределах 2—10%, составляя в среднем за цикл 4,5%; в Германии циклические колебания безработицы достигали 1—5%.

Одной из особенностей мирового экономического кризиса является рост безработицы среди интеллигенции. Так, по данным проф. Soudy, председателя Комитета по безработице среди

инженеров, в США во время кризиса около половины инженеров не имело работы. Главный контингент безработных приходился на возраст 30—40 лет. Эти цифры, кроме того, не учитывают безработицы среди окончивших учебные заведения и не получивших из-за кризиса возможности применить свои способности и знания. По германской переписи 1933 г. количество безработных специалистов и технических служащих достигло 257 тыс. чел., что составляет около $\frac{1}{5}$ общего количества самодеятельных этой категории, т. е. каждый пятый из группы инженерно-технических работников в июне 1933 г. был безработным в Германии.

Весь ход мирового экономического кризиса целиком подтверждает вывод о том, что чем концентрированнее производство, чем выше уровень его монополизации, тем конвульсивнее его сжатие и, следовательно, тем мучительнее безработица. В связи с этим поучительно сопоставить динамику производства и динамику цен за годы кризиса. Для США характерный ряд приводит американский статистический журнал („Journal of the American Statistical Association“, June 1935):

Отношение 1929 г. к началу 1933 г.

	% падения цен	% сокращения производства
Сельскохозяйственное машиностроение	6	80
Автомобили	16	80
Цемент	18	65
Чугун и сталь	20	83
Автомобильные шины	38	70
Текстильные изделия	45	30
Пищевые товары	49	14
Кожа	50	20
Нефть	56	20
Сельскохозяйственные товары	63	6

Эти данные показывают, что сельскохозяйственное производство сократилось очень незначительно, зато цены сел.-хоз. товаров дали наибольший темп падения; наоборот, в промышленности при колоссальном сжатии производства цены упали в меньшей степени. Внутри промышленности отрасли легкой индустрии в целом испытали относительно меньшее сокращение производства и относительно большее падение цен по сравнению с тяжелой индустрией, давшей рекордное сокращение производства и наименьшее

снижение цен. Хотя тяжелая промышленность обычно во время кризиса подвергается наибольшему сжатию, нельзя, однако, считать случайностью, что как раз наиболее монополизированные отрасли, удельный вес которых в тяжелой промышленности очень высок, сокращают в большей степени выпуск продукции и в меньшей степени цены. Благодаря таким разрывам в продукции и ценах, а также между ценами монополизированных и немонаполизированных товаров, монополии стремятся переложить тяжесть кризиса, с одной стороны, на трудящиеся массы, а с другой стороны—на мелких и средних производителей, приводя тем самым к углублению и затягиванию кризиса.

Общее падение уровня цен было более резким, чем во все предшествовавшие кризисы при исключительной неравномерности этого падения по отдельным группам и категориям товаров (*Мировой экономический обзор Лиги наций* за 1934—1935 гг.).

Падение оптовых цен в различных странах (низшая точка кризиса к средней за 1925—1929 гг., принятой за 100)

Англия	62
Германия	68
США	66
Япония	65

Небывалое падение цен отражает всю глубину перепроизводства товаров и давление избыточных производственных мощностей, исключительное сжатие рынка вследствие катастрофического обнищания масс; основным же фактором неравномерности этого падения является степень монополистического господства на различных ступенях производства и распределения. Разрывы цен, как следствие их неравномерного снижения, прежде всего идут по линии монополизированных и немонаполизированных товаров, как это видно из нижеследующих данных (*Мировой экономический обзор Лиги наций* за 1935—1936 г.):

Индекс цен на монополизированные и немонаполизированные товары (отношение к высшей точке падения к 1929 г., принятому за 100)

	Монопольные цены	Немонопольные цены
Германия	78	46
Австрия	90	69
Польша	70	56

В ходе кризиса «ножницы» монопольных и свободных цен значительно увеличались по сравнению с уровнем 1929 г. Монополии хотя и не смогли удержать свои цены стабильными, но снижение монопольных цен происходило в меньшей степени и неизмеримо медленнее, чем уровень немонапольных цен.

Особенно глубокий разрыв, благодаря такой политике цен, был создан между картелированной и трестированной промышленностью, защищенной высокими таможенными пошлинами, и распыленным сельским хозяйством, а в интернациональном масштабе—между империалистическими странами и аграрно-колониальной периферией. Этот разрыв нашел свое выражение в росте расхождения между сельскохозяйственными и промышленными ценами, а также между ценами на экспортные и импортные товары промышленных и аграрно-колониальных стран. В этой структуре цен обнаружилась особая острота аграрного кризиса в условиях монополистического капитализма и общего кризиса капиталистической системы в целом.

3. Аграрный кризис, как и промышленный, есть кризис перепроизводства. Производительные силы мирового сельского хозяйства в послевоенный период заметно выросли. Расширение основного капитала имело место не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве, правда, в гораздо более слабой степени и при том крайне неравномерно в отдельных странах и по отдельным культурам. Развитие новых районов производства продовольствия и сырья, рост механизации и концентрации, повышение производительности труда в старых районах и странах шли одновременно с деградацией и разорением миллионов мелких фермеров и крестьян.

Рост сельскохозяйственного производства явно отставал от роста производительных сил. По индексу Лиги наций за период 1925—1929 гг. мировая сельскохозяйственная продукция увеличилась всего на 5%, и в основном оставалась стабильной во время кризиса. Более резко возросло производство колониальных товаров